

Мир науки. Педагогика и психология / World of Science. Pedagogy and psychology <https://mir-nauki.com>

2020, №3, Том 8 / 2020, No 3, Vol 8 <https://mir-nauki.com/issue-3-2020.html>

URL статьи: <https://mir-nauki.com/PDF/24PSMN320.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Петрова С.М. Психологические функции пословиц в жизни и деятельности личности // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №3, <https://mir-nauki.com/PDF/24PSMN320.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Petrova S.M. (2020). Psychological functions of proverbs in the life and activity of an personalities. *World of Science. Pedagogy and psychology*, [online] 3(8). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/24PSMN320.pdf> (in Russian)

УДК 159.9

ГРНТИ 15.21.51

Петрова Светлана Михайловна¹

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Псков, Россия
Доцент кафедры «Психологии и сопровождения развития ребенка»

Кандидат психологических наук, доцент

E-mail: psm17031963@gmail.com

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=724907

Психологические функции пословиц в жизни и деятельности личности

Аннотация. Ранее автором обосновывалась диагностическая ценность пословиц как стимульного материала в психологических методиках, направленных на изучение интеллектуальной, мотивационной, нравственной и ценностной сферы личности. В данной статье рассматривается представление о пословицах как регуляторах жизни и деятельности современного человека с целью дальнейшего расширения диапазона их психодиагностических возможностей. Если паремиология – раздел филологии, посвященный изучению и классификации паремий, то нас интересует психопаремиология, которая рассматривает психологические функции паремий в жизни и деятельности личности, исследует паремии в качестве регуляторов сознания и поведения. Мы выделили следующие психологические функции пословиц, основываясь на потребностях личности: культурно-познавательную, жизненно-ориентационную, личностно-идентификационную, морально-нравственную, ценностно-смысловую, интеллектуально-творческую, коммуникативно-риторическую, психотерапевтическую и личностно-регулятивную.

Пословицы реализуют культурно-познавательную функцию, являясь базовыми компонентами традиционной культуры общества, наиболее ярким проявлением языковой самобытности народа, его вкладом в совокупное знание о человеке. Пословицы, как способ формализации человеческого опыта, выполняют жизненно-ориентационную функцию через житейскую психологию и жизненную мудрость, заключенную в их содержании. Пословицы учат правильному образу жизни и помогают в понимании человеческого поведения. Реализуя личностно-идентификационную функцию, пословицы обеспечивают человека пониманием традиционной русской картины мира, способствуют структурированию целостного мировоззрения, характерного для своего народа. Мысли народа, зафиксированные в

¹ <https://vk.com/id6359016>

<https://ok.ru/svetlana.petrova.psmiland>

пословицах, несут на себе печать народной нравственности, отражают моральные принципы общества, что позволяет выделить в них морально-нравственную функцию. Автор рассматривает ценностно-смысловую функцию пословиц. Важнейшая проблема психологического изучения пословиц – их кластеризация по базовым ценностям. Пословицы являются продуктивным материалом для интеллектуальных и творческих идиоматических преобразований, что обеспечивает их дальнейшее развитие. В межличностном общении и речевом дискурсе обнаруживает себя коммуникативно-риторическая функция пословиц. Свою терапевтическую функцию пословицы выполняют как защитные формулы механизма рационализации в интерперсональном дискурсе, как суггестивные формулы для выработки соответствующих жизненных установок. Пословицы подобно дидактическим инструментам выполняют личностно-регулятивную функцию, имеют педагогический эффект, содержат призывы к самовоспитанию и самообразованию.

Пословицы соответствуют потребностям общества и человека в культурной и языковой идентичности, в формировании картины мира с учетом национальной специфики и отношения к правильной и моральной социальной жизни, обеспечивают сохранение национальных ценностей и преемственность поколений.

Ключевые слова: обыденное сознание; житейская психология; паремиология; психопаремиология; психологические функции пословиц

Пословицы – наиболее сохранный, актуализируемый, чаще всего используемый в повседневности жанр народной традиционной культуры. Как способ оформления опыта народа они являются источником житейских знаний о мире, описывают целостный образ человека, отражают обыденные формы сознания и регулируют повседневное поведение. Ф.И. Гиренок в анализе антропологической катастрофы современности пишет: «Событийной стороне жизни пока еще сопротивляется дословность быта. Смыслы, сохраненные повседневностью» [1, с. 35]. Мы полагаем, что хранилищем таких смыслов является, прежде всего, паремиологическое наследие социума, заполняющее «антропологические пустоты» бытия современников. Кластеры актуализируемых пословиц, смыслы которых «живут» в индивидуальном и общественном сознании наиболее релевантны смыслам существования, смыслам жизни использующих эти пословицы людей.

В целом ряде проведенных нами ранее исследований обосновывается диагностическая ценность пословиц, которая обусловлена их проективным и мотивационным потенциалом, а также соответствием их содержания смысловым структурам обыденного сознания [2; 3]. В качестве стимульного материала нами пословицы были использованы в методиках, разработанных в целях обнаружения полимотивационных тенденций в Я-концепции личности [4], в целях диагностики нравственной воспитанности учащихся [5], в целях изучения ценностных отношений школьников [6]. Данное направление исследования мотивационной, нравственной и ценностно-смысловой сферы личности через посредство изучения обыденных представлений человека, запечатленных в пословицах, и научно-психологический анализ их содержания позволяет сблизить житейскую и научную психологию, способствует обогащению новыми идеями психологическую науку. Очевидно, что утверждения пословиц – это рабочие гипотезы для проверки их содержания научно-психологическими процедурами. Мы ставим своей целью расширить представление о пословицах как регуляторах активности, жизни и деятельности современного человека и вместе с этим обосновать их диагностическую ценность на том основании, что «пословицы и поговорки – наряду с песнями, сказками, загадками, прибаутками, присловьями – это душа народа» [7, с. 274]. С.Н. Булгаков считал, что культурное творчество изначальнее и древнее образованности, а язык является могучим орудием, в котором отпечатлевается душа национального: «В языке мы имеем неисчерпаемую

сокровищницу возможностей культуры, а вместе с тем и отражение, и создание души народной» [8, с. 200]. Нашу культурно-философскую позицию можно обозначить формулировкой С.Л. Франка из его «Русского мировоззрения»: «Объект нашего исследования – не таинственная и гипотетическая «русская душа», как таковая, а ее ... объективные проявления и результаты» [9, с. 472]. Одним из объективных проявлений творчества «русской души» для нас стали пословицы в их современном понимании, толковании и использовании. Предмет нашего исследования находится на стыке психологии личности, психологии культуры, психосемантики и паремиологии как отрасли филологической науки.

Пословицы и поговорки в речемыслительной деятельности человека

Паремиология – область филологии, подраздел фразеологии, исследующий паремии – пословицы, поговорки и другие изречения, которые фиксируют и транслируют в краткой, образной и вербальной форме традиционные ценности и жизненный опыт народа. Пословицы и поговорки являются элементами русской устной речи наряду с другими устоявшимися разговорными формулами. В числе устойчивых идиом, «заякоренных» в сознании и речи, следует назвать также анекдоты, афоризмы, байки, загадки, заговоры, заклятия, изречения, небылицы, прибаутки, приветствия, приговорки, присказки, присловья, притчи, причитанья, побасенки, пожелания, приметы, речения, сентенции, суеверия, шуточные советы и шутки фольклорного происхождения. Все это длящиеся в историческом времени языковые скрепы русской этногосферы (термин Д.С. Лихачева), интегрированные в сознание образы.

Отличительные характеристики пословиц и поговорок проявляются в следующих особенностях. Пословицы имеют устойчивую, лаконичную, ритмически организованную форму, несут поучительный или назидательный смысл. Пословицы обладают буквальным и переносным смыслом или только переносным. Наличие у идиомы нескольких потенциальных уровней понимания – важнейшая смысловая предпосылка ее превращения в пословицу. Кстати, буквализм понимания пословицы – это проявление умственной недостаточности, что традиционно позволяло использовать пословицы в психодиагностике как стимульный материал для соответствующих интеллектуальных проб [10–13]. Действие пословицы распространяется не на конкретное событие, а на весь срок человеческого существования. Это народная «заповедь», которой должны следовать люди. Поговорка же, наоборот, высказывается для характеристики конкретного обстоятельства, человека или его поведения. Она воспринимается как реплика диалога и часто обслуживает риторическую разговорную функцию в общении. Поговорка – это изречение, метко определяющее какое-либо жизненное явление, лаконичное по форме, имеющее буквальный план. В отличие от пословицы поговорка не содержит в себе прямого поучительного смысла. Поговорка – это предложение, не содержащее суждения, а пословица – это предложение с завершенным суждением, поэтому в народе говорят: «*Поговорка – цветочек, а пословица – ягодка*». Вместе с тем разработчик наиболее продуманных структурно-лингвистической и логико-семиотической классификаций пословиц и поговорок Г.Л. Пермяков на ключевой вопрос об их природе отвечает следующим образом: «Во-первых, до сих пор точно не установлено, что следует относить к названному жанру... Во-вторых, пословицы и поговорки представляют собой весьма сложные образования, имеющие несколько разных планов» [14, с. 7–8].

В дальнейшем наше внимание будет направлено прежде всего на пословицы, поскольку они более мотивационно и эмоционально заряжены, а термин «пословица» мы будем использовать в самом общем виде, позволяющем относить к ним все паремии, которые филологи на основе выделенных особенностей разделяют на собственно пословицы и поговорки. Мы не углубляемся в филологическую проблематику паремиологии, в природу и этимологию пословиц, которые представляют из себя сложные идиоматические построения.

Наше исследование ориентировано на психологическое наполнение паремий носителями современного русского языка. Если паремиология – подраздел фразеологии, раздел филологии, посвященный изучению и классификации паремий, то нас будет интересовать психопаремиология. Психопаремиология рассматривает включенность паремий в речемыслительную деятельность, изучает их место в материальном и в ментальном бытии личности в качестве регуляторов ее сознания и поведения, исследует психологические функции и роль пословиц в жизнедеятельности человека и группы.

В отличие от филологического подхода наш анализ подразумевает не весь накопленный свод пословиц, а только актуальные, воспроизводящиеся, диахронно продолжающиеся в современном дискурсе, индивидуальном и общественном сознании. Мы рассматриваем из всего корпуса пословиц, во-первых, «живые», ныне широко распространенные и широко употребляемые, во-вторых, независимо от их культурного происхождения, возможно и заимствованные (от соседей, из античного наследия, библеизмы), что, как правило, не осознается пользователями. Для наших целей существенно, что из огромного корпуса пословиц актуализируемой и применяемой в дискурсе, является их относительно небольшая часть. По аналогии с активным и пассивным словарем человека можно говорить об его активном и пассивном пословичнике, о понимаемом и используемом в речемыслительной деятельности пословичном запасе. Естественно, существует и «общий фонд», большой или малый набор «житейской мудрости».

Таким образом, пословицы продолжают сохраняться в символическом контексте жизни и деятельности современного человека. Отсюда логично предположение о безусловной значимости изучения пословиц как одного из факторов социально перцепции и других процессов социального познания. В частности, пословицы могут стать для человека удобными формулами для тех или иных социальных стереотипов во всех их когнитивных разновидностях от убеждений до предрассудков. Эти особенности пословиц позволяют использовать их в качестве стимульного материала при разработке диагностического инструментария, направленного на изучение представленности различных психологических функций в сознании, поведении, деятельности и общении современного человека. Мы выделяем следующие психологические функции пословиц, основывающиеся на соответствующих потребностях личности: культурно-познавательную, жизненно-ориентационную, личностно-идентификационную, морально-нравственную, ценностно-смысловую, интеллектуально-творческую, коммуникативно-риторическую, личностно-регулятивную и психотерапевтическую. Рассмотрим основные из них.

Культурно-познавательная функция пословиц

Пословицы реализуют свою культурно-познавательную функцию, являясь базовым компонентом традиционной культуры общества, наиболее ярким проявлением языковой самобытности народа, его творческим вкладом в общемировое культурное наследие. В.В. Розанов в «Опавших листьях» писал: «Хороши делают англичане чемоданы, а у нас хороши народные пословицы» [15, с. 213]. Г.П. Федотов в своих «Письмах о русской культуре» подчеркивает связь русского языка с фольклорным творчеством: «На дне величайших созданий русского слова открывается нечто общее с примитивом народного фольклора» [16, с. 181]. Д.С. Лихачев отмечает: «Если верно, что в языке народа сказывается его национальный характер (а это безусловно верно), то национальный характер русского народа чрезвычайно внутренне разнообразен, богат, противоречив» [17, с. 412]. Нам представляется, что особенности русского национального характера проявляются во всем многообразии и во всем многомыслии пословиц. Свод русских пословиц есть подлинная энциклопедия традиционного образа жизни народа, диахроническая суть его национального характера. Имеющийся запас

пословиц, накопленный в словарях, начиная с одного из первых литературных источников русских пословиц и поговорок, составленного В.И. Далем в середине XIX века, который содержит 30 130 пословиц, поговорок, пословиц и метких слов по 178 темам [18], возможно анализировать на предмет отражения в них национальной специфики русского этноса в совокупности накопленных народом знаний. Рассуждая о духовных ценностях народа, В.А. Солоухин в своих «Камешках на ладони» пишет: «Отдельный человек может не знать что-нибудь очень важное ... Но целый народ понимает и знает все. Он не только понимает, но и накапливает и хранит свои знания» [19, с. 163].

В пословицах выражаются профанная философия, аксиология, теология, психология, социология. Самое парадоксальное, что ни одно из утверждений так называемых социальных наук не выходит из контура пословичных суждений. Возражая против снобистского отношения к смыслу пословиц как к банальности, классик научной методологии Пол Фейерабенд напоминал, что «наука не превосходит естественной проницательности» людей [20, с. 144], и есть много такого, чему мы можем и чему мы должны учиться у наших далеких предков и наших «примитивных» современников» [20, с. 202]. Продукты народной деятельности, его культурные артефакты порой важнее для понимания народной психологии, чем прилагаемые к ней понятийные характеристики. Вербализованный пословичный образ учит пользователя (как актуализатора, так и реципиента) поиску закономерности в привычном, показывает важность скрытого в обычном контексте существования. Эту особенность народных пословиц блестяще характеризуют классические поэтические строки Е.А. Баратынского: «*Старательно мы наблюдаем свет, // Старательно людей мы наблюдаем // И чудеса постигнуть уповаем. // Какой же плод науки долгих лет? // Что наконец подсмотрят очи зорки? // Что наконец поймет надменный ум // На высоте всех опытов и дум, // Что? – Точный смысл народной поговорки*». Кругозор и мировоззрение пословиц – в культурологическом смысле почвенны. Именно пословичная идиоматика специфично народная, даже при заимствованиях из других культур. Длительное во времени обаяние пословичной мудрости объясняется и лаконичной поэтикой, и парадоксализмом суждений, и соблазнительной примитивностью идиом как синонима народного искусства.

Смыслы пословиц являются отправным материалом литературно-художественных поисков. Содержательная насыщенность и смысловая емкость пословиц активно использовалась и поныне используется в авторской художественной литературе. Многие пословичные изречения, словосочетания пословиц органично вошли в классическую литературу. Достаточно вспомнить названия классических пьес А.Н. Островского: «*Не в свои сани не садись*», «*Правда – хорошо, а счастье лучше*», «*Свои собаки грызутся, чужая не приставай*», «*Свои люди – сочтемся*» и многих других. «*За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*» – так назвал свой рассказ А.П. Чехов. В данном случае пословицы сводятся авторами к некоторым развернутым сюжетам, выводами из каковых являются непосредственно пословичные формулы. Однако такой реконструкции и раскрытию в литературных произведениях подвергается далеко не каждая пословица, подавляющее большинство из них остается пространством для филологических гипотез и литературных поисков. Непреходящая актуальность пословиц для понимания русской ментальности находит свое подтверждение в литературном творчестве современных писателей. В качестве такого примера можно привести «Сравнительные комментарии к пословицам» В.А. Пьецуха [21, с. 7–57].

Жизненно-ориентационная функция пословиц

Пословицы, как способ оформления человеческого опыта, выполняют жизненно-ориентационную функцию. Они образуют один из слоев обыденного сознания, житейской

психологии, наиболее доступной жизненной философии. Мудрость пословиц уютнее, психологически комфортнее зачастую жесткой логики имплицитной правды жизни, экзистенциальных обременений бытия. В пословицах заключены принятие жизни и дистанцирование от ее обременений, имитируемая наивность и осторожная хитреца, оптимистические надежды и укорененность в реальности. Одни пословицы – школа быта, другие – бытия; одни учат правильному образу жизни, другие готовят к пониманию света человеческого жития; одни удерживают в повседневности, другие – возвышают над нею. В пословицах предлагаются афористические формулировки трудных искусства и науки жить, но эти формулировки не жесткие, ригористические заповеди, а некие отстраненные образы реальности и поведения в ней. Отношение к пословице как к иносказанию возвышает понимание ее смыслов до уровня учительства жизни. Очевидно, что смыслами одних пословиц человек не будет умен. И если только пословичное индивидуальное сознание было бы чудовищным, то полное отсутствие пословиц в языковой личности было бы, по крайней мере, странным. Пословицы – это некие формульные эталоны, но не шаблоны и не стереотипы разума; это приправа, но не интеллектуальная пища. Только пословичное индивидуальное сознание было бы упреком человеческому разуму, которому надлежит строить собственные формулы существования и его смыслов.

Множественность разнородного чужого опыта, запечатленного в пословицах, становится базисом экзистенциального понимания собственного. Это удерживает человека от поведенческих экспериментов, исход которых показан пословичными ситуациями. Интерпретация преподанных смыслов и зафиксированных в привлекательных вербальных формах облегчает необходимое «умнение» личности. Пословицы, по данности, это – «чужой ум», но адекватное приложение их к конкретной ситуации – это уже «свой», требующий практического, прагматического интеллекта. Операциональная характеристика работы интеллекта с содержанием пословицы – это установление сходства ситуации, задаваемой ею, с ситуацией собственной жизнедеятельности субъекта. Для психологии сознания отношение к пословицам как к языковым сокровищам не снимает проблемы личностной значимости конкретных идиом для человека в аспекте «здесь и теперь» в историческом пространстве и времени. Пословицы вне контекста реальности – это художественные тексты или философия здравого смысла, пословицы же в таком контексте – это руководство к пониманию реальности и поведению в конкретной жизненной ситуации. В пословице предлагается не всеобщее правило понимания или действия, а ситуативное, зависящее в применении от множества конкретных обстоятельств. Как заметил английский поэт Джон Китс (1795–1821), *«Пословица для нас не пословица, пока ее не проиллюстрировала жизнь»*. Если применить мысль постмодернистского философа-«шизоаналитика» Жюльена Делеза к пословице, то в ней смыслы порождаются событием. Они создаются, а не содержатся в многомерном агрегате словесных значений идиомы. Смысловой мир пословиц и ситуации социальной реальности взаимосвязаны множеством обратных связей, вплоть до выраженных самореализующихся и саморазрушающихся предсказаний. Как напоминает К.А. Богданов: «Давно заметно, что функциональная устойчивость господствующих в обществе метафор не только характеризует породившие их представления, но и генерирует сами эти представления» [22, с. 111]. Отсюда и принимаемая субъектом пословичная формула ситуации становится детерминантой его поведения. В этой связи принципиально важной является следующая проблема: каково бытийное пространство, каково множество мыслимых ситуаций, на которые распространяется имплицитный смысл той или иной пословицы. Причем это существенно для ментальных практик как индивидуального, так и группового эмпирического использования конкретной пословицы. Также психологически интересно различие критериев применения человеком пословицы к своей или чужой жизненной ситуации, что нашло свое отражение в высказывании: *«Чужую беду руками разведу, а к своей и ума не приложу»*.

Существенно, что смыслы различных пословиц не предполагают имманентной возможности их сущностной унификации, создания непротиворечивой системы воззрений на мир. Более того, от каждого из таких воззрений легко отказаться при его несоответствии той или иной модельной жизненной ситуации. Рассматривая контекст бытования так называемых дидактических текстов фольклора – пословиц, поговорок, предписаний, правил и запретов, К.А. Богданов показывает, что «никакой, даже минимально хрестоматийный набор пословиц не позволяет сконструировать на их основе дидактически непротиворечивый план содержания. Одни пословицы учат одному, другие – прямо противоположному» [22, с. 60–61]. Принимаем во внимание и классический афоризм Станислава Ежи Леца *«Пословицы друг другу противоречат. В этом-то и состоит народная мудрость»*. Противоречивость содержания и смысла многих пословиц позволяет им быть стимульным материалом для проективных проб, поскольку то, как испытываемым истолковывается смысл таких идиом, есть экспликация его глубинной мотивации.

Личностно-идентификационная функция пословиц

Реализуя личностно-идентификационную функцию, пословицы обеспечивают человека знанием особенностей национальной картины мира, способствуют структурированию целостного мировоззрения, характерного для своего народа. Осмысляя и переосмысляя личный опыт пословичными инструментами, человек приобщается к традициям своей культуры, включает в Я-концепцию концепты своего этноса. Как констатирует крупнейший специалист по кросс-культурной психологии Д. Мацумото, «индивид впитывает в себя самую сущность культуры через язык, и, пользуясь языком, он или она укрепляют концепцию своей культуры» [23, с. 264]. Классический тезис Витгенштейна «границы моего языка означают границы моего мира» можно развить следующим образом: «Идиомы моего языка означают наполнение, структурирование моего мира».

Любой национальный корпус пословиц закономерно понимать как вербальное выражение соответствующего национального образа мира. В своем междисциплинарном исследовании языка и национального характера А.А. Мельникова исходит из тезиса, что «структура языка задает границы национальной картины мира, в рамках которых словарный запас ее достраивает. Ориентируясь на разворачивающуюся историческую действительность» [24, с. 24]. По характеристике отечественного культуролога Г.Д. Гачева: «Национальный образ мира может трактоваться как система взаимных соответствий. Параметров, уникальных для данного народа, почти и нет. Но при том, что везде все есть, – есть оно в разных пропорциях: различны акценты, сочетания и иерархии элементов» [25, с. 25]. В.П. Руднев отмечает, что «можно выделить универсальную картину мира, свойственную всему человечеству, правда она будет слишком абстрактна. У любого народа будет свое представление о добре и зле, о нормах и ценностях. Но у каждого народа эти представления будут различными» [26, с. 175]. В русских пословицах находит свое отражение традиционная русская картина мира, а пословичная модель мира русского человека практична, многовариантна, диалектична и живописна. Важнейшая проблема психологического изучения пословиц – их кластеризация по типам мировоззрения, т. е. по базовым ценностям. Впрочем, одной пословицы *«Нет худа без добра»* хватит на целое, целостное мировоззрение.

Морально-нравственная функция пословиц

Часть пословиц – моральные формулы (пожелания, советы, нравоучения, назидания), однако чаще это тропы. Сами по себе пословицы представляют высказывания, которые несут в себе самоценную истину без применения к конкретной жизненной ситуации. Они не являются

характеристикой, которая определяет лицо или обстоятельство, а содержат в себе некий нравственный закон, безусловный для любого человека. Мысли народа, зафиксированные в пословицах, всегда несут на себе печать народной нравственности, что позволяет нам выделить в них морально-нравственную функцию. Классик отечественной фольклористики А.Н. Афанасьев в своей статье «Дополнения и привлечения к собранию «Русских народных пословиц и притчей», изданному И.М. Снегиревым, писал: «Это богатый источник для определения логических приемов и моральных убеждений русского человека, так точно, как и для уяснения различных сторон его жизни современной и прошедшей» [27, с. 27]. Этой точкой зрения придерживался Ф.И. Буслаев, который видел в фольклоре выражение нравственных устоев народа.

Жизненная мудрость пословиц – земная, их мысли не пафосные и не директивные, тогда как многие афоризмы и максимы религиозного или философского дискурсов – избыточно абстрактны, возвышенны, императивны, и тем самым недостижимы для принятия их индивидуальным сознанием. Смыслы пословиц, в отличие от разного рода афоризмов и максим, принципиально не категоричны. Это именно не рефлексивная житейская мудрость, эмпирическая мудрость быта и бытия. Пословицы – демократичны, в то время как афоризмы и максимы – аристократичны, а религиозные цитации и заповеди характеризуются жреческой стилистикой. Над пословичными идеями нет давления императивности, конформной обязательности, что сопровождает рецепцию, принятие или его имитацию в отношении официально декларируемых религиозных и моральных норм. Пословичные рефлексии и рекомендации подаются косвенно, ненавязчиво, их моральная сторона зачастую замаскирована эстетически привлекательной формой. В качестве культурологической гипотезы можно предположить, что живучесть пословиц в русской повседневной культуре – это языческий бытовой противовес внедряемым церковью нормам. Поэтому злоязычие, зависть, злоба – с пословичными смыслами зачастую совместимы, а с евангельскими – нет. Кстати, весьма скромное присутствие в пословицах темы Бога можно объяснить тем, что их неизвестные талантливые авторы, жившие в практически полностью религиозном обществе, все-таки следовали заповеди: «*Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно*». Да и жизнь небесная зачастую в пословице все-таки сопрягается с жизнью земною: «*Кто Богу не грешен, царю не виноват*», «*Человек предполагает, а Бог располагает*». Снижение сакрального может быть приемом придания ценности профанному, бытовому: «*Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет*». Исторической справедливости ради следует отметить, что здравый смысл, «житейскую правду» пословиц нередко уравнивали, сдерживали идеологические или псевдорелигиозные идеи, навязываемые официальной властью. Писатель-маринист В.В. Конецкий отмечал: «Отношение к правде и лжи народа, я бы сказал, уклончивое. Посмотрите сборники пословиц или поговорок. Сколько там о необходимости правды, о ее даже вредности! А о необходимости лжи и ее полезности – столько же» [28, с. 599]. Ну, а по мнению Л.И. Шестова, «наиболее скептически настроенный русский человек в глубине души таит надежду. Отсюда наше бесстрашие в «правдивости» [29, с. 174]. На эту тему есть и соответствующая русская пословица: «*В пословице правда молвится*», со всей сложнейшей семантикой слова «правда» в русской культуре. Интересна точка зрения выдающегося отечественного фольклориста В.Я. Проппа, согласно которой «идейно-эмоциональное содержание русского фольклора вкратце может быть сведено не к понятию добра, а к категории силы духа» [30, с. 32–33].

Ценностно-смысловая функция пословиц

Ценности и смыслы пословиц – адаптирующие, прагматические, «оппортунистические»; они легко принимаются, и от них легко отказываться без

внутриличностных конфликтов. Существенно, что при резком несогласии человека с той или иной правильно или неправильно понятой пословицей, что бывает довольно часто, мотивации активного возражения, спора, оппонирования не возникает. В таком случае пословица просто мягко отвергается, игнорируется, она как бы «проскальзывает» мимо ценностного регистра сознания. Более того, даже при содержательном изменении, даже при трансформации личностной ценности согласие с самой пословицей, с ее вербальной формулировкой может сохраняться в сознании по-прежнему. Пословичная словесная формула, языковая оболочка содержания некой ценности человека по своей природе не предполагает однозначной аксиологической трактовки. Одной и той же пословицей может вооружаться и добродетель, и бунтарство, и ханжество, и цинизм, и ортодоксальность и т. д. В своей совокупности мудрость пословиц балансирует, пользуясь пушкинскими фразами, между «тьмой низких истин» и «нас возвышающим обманом». В этом и есть корни как их привлекательности, так и ограничения их универсальности. При таком понимании пословицы – правильны, правдоподобны, а не правдивы, истинны.

Игровая окраска пословичной мысли облегчает человеку ценностный поиск, дает ему оформленный вербальный материал для релевантного личностного выбора. В пословице мысли (не одна мысль!) ненавязчиво вырастают из авторитетного (но не авторитарного!) эстетически привлекательного и общепонятного образа. В таких образах не очевидно назидание как предписание, их формулы оставляют свободу выбора и право для мягкого несогласия с ними; они не авторитарны как вследствие своей образной формы, так и вследствие потенциальной множественности их интерпретаций. В пословице скрывается сгусток, клубок потенциальных интерпретаций, ее смыслов. Анализ пословиц в конкретных ситуациях заставляет исследователей говорить о «социальной ситуативности их смысла [socially – situated meaning], о переменном значении одной и той же пословицы в зависимости от коммуникативного поведения фольклорной аудитории» [22, с. 60–61]. Например, в пословице «*Маслом каши не испортишь*» чего только нельзя понимать и под «маслом», и под «кашей». В пословицах «*Собака лает – ветер носит, а караван идет*», «*И черт котенком прикидывается*» могут подразумеваться с переменной жизненных отношений совершенно разные люди. А за поговоркой «*Дуракам закон не писан*» может вообще стоять кто угодно. Пословица неоднозначна, столь не откровенна в своем содержании, что извлекаемые из него смыслы вообще могут там не содержаться. Важно, что толкование пословицы не может быть единственно правильным, окончательным, «каноническим». Это осциллирующий результат не завершающегося процесса обретения новых вариаций смысла.

Большую убедительность пословичных мыслей можно объяснить закономерностью, сформулированной К.-А. Гельвецием: «*Всякое собирательное слово вызывает споры. Совсем не спорят по поводу образных слов*» [31, с. 277]. Эта мысль классика перекликается с утверждением современного отечественного философа Ф.И. Гиренка: «*В наглядные образы, вербальные картинки легко упаковываются любые теории*» [1, с. 4]. В то же время чрезмерная яркость образного материала пословицы может помешать извлечению ее наиболее адекватного конкретной ситуации смысла, ригидно зафиксировать лишь единственную интерпретацию, обслуживающую ту или иную неосознаваемую потребность конкретного человека. Своей образной привлекательностью и убедительностью она будет «обслуживать» неосознаваемые самим человеком установки. Образность пословичных суждений предоставляет возможность интеллектуальной диверсификации их смысловых обобщений, создания нередко антиномичных коннотаций.

Интеллектуально-творческая функция пословиц

Между тем пословицы – благодатный материал для творческих идиоматических трансформаций («С кем поведешься, с тем и наберешься», «Не имея сто рублей, не получишь сто друзей»). Творчество пословиц – процесс непрерывающийся. Броуновское движение смыслов при их применении аналогично таковому у классических пословиц и поговорок, как русских, так и заимствованных (например, латинских, типа «С волками жить – по-волчьи выть», «Человек человеку волк» и т. д.). Эвристический потенциал пословицы включает и возможность ее контекстного перефразирования: «Скажи мне, кого ты любишь, и я скажу, кто ты», «Скажи мне, кто ты, и я скажу, что ты читаешь» и т. д. В то же время многие пословицы такой идиоматической симметрией не обладают; пословицы типа «Лицом прост, а карман толст» или «Насильно мил не будешь» инверсии не допускают. Пословицы иногда позволяют осуществить смысловую инверсию их формулировок: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты» и «Скажи мне, кто ты, и я скажу, кто твой друг». Основные приемы создания пословичной темы являются сравнение, преувеличение – преуменьшение, обобщение и инверсия. Как заметил английский писатель Исаак Дизраэли (1766–1848) «Умный сочиняет пословицы, а повторяют их дураки».

Исторически, генетически пословица рождалась в устной речи, звучащая форма – естественная материя ее существования. За счет стихотворного размера, звуковых повторов и рифмы пословица легко запоминается, что немаловажно для устного дискурса. Именно устное звучание, а не письменная фиксация оттачивает пословичное слово, делает фразу смылосодержащей. В характеристике В.И. Белова «эстетика разговора, как жанра устного творчества, выражается в умении непринужденно вести беседу, и в искусстве слушать, и в уместности реплик, и в искренней заинтересованности. Но главное – в образности, которая подразумевает юмор и лаконизм. ... Те же, кто не рождался с таким талантом, пользовались созданным ранее, и, хотя, образ в бездарных устах неминуемо превращался в штамп, это было все-таки лучше, чем ничего. ... Иносказание и пословицы, доброе подшучивание заменяли все остальное, в разговоре между приятелями или хорошо знакомыми...» [32, с. 248]. Пословица в живой речи – это совершенная словесная форма, вмещающая потенциальные смыслы, функции которых – и есть функции пословиц в прагматике их использования.

Коммуникативно-риторическая функция пословиц

Коммуникативно-риторическая функция пословиц проявляет себя в межличностном общении. Использование в общении и в речи народной идиоматики – это и культурный маркер, и социальное кодирование, и коммуникативный ход. Пословицы практически не имеют социальной спецификации, культурной маскировки в речевых актах – в отличие от других источников цитации. Пословицы – один из немногих компонентов культуры, равно понимаемых и используемых на всех социально-культурных этажах общества. Традиционные рекомендательные нормы кодекса общения, русский коммуникативный этикет, подразумеваемые этические ориентиры выражены такими пословицами, как: «Молчание – знак согласия», «Язык мой – враг мой», «Язык до Киева доведет», «Слово – серебро, молчание – золото», «Как аукнется, так и откликнется». Аналогично, далее, для межличностных отношений, тесно связанных с общением, существуют такие пословичные ориентиры: «С кем поведешься, от того и наберешься», «Сердцу не прикажешь», «Насильно мил не будешь», «В долг давать, дружбу терять», «На всех не угодишь», «С волками жить – по-волчьи выть». Опосредованные подсказки «правильного» поведения в сферах общения и межличностных отношений, разумеется, содержатся и во многих других пословицах, в которых вроде бы говорится о совершенно другом. Само по себе использование пословицы в общении –

семиотично, это латентная апелляция к устоявшейся традиции, к проверенной жизненной практике ее формул.

Широкое распространение пословицы получили в политической риторике. Русская пословица *«Доверяй, но проверяй»* вошла в историю международных отношений после встреч Рональда Рейгана и Михаила Горбачева в Женеве и Рейкьявике в 1985 и 1986 годах, посвященных вопросам контроля над ядерным вооружением. Пословичную форму выбирал, обращаясь к солдатам, А.В. Суворов: *«Голод – лучшее лекарство»*, *«Учение – свет, а неученье – тьма»*, *«Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко»*, *«Тяжело в ученье, легко в бою»* и т. д. [33]. Дискурсивное использование пословиц – это и тест на коммуникативный такт. По свидетельству князя М. Щербатова, Екатерина II часто свои действия в отношении придворных покрывала циничной пословицей: *«Выжатой лимон кидать»*. Само по себе использование пословиц – отнюдь не гарантированный признак разумности сознания и поведения человека. Более того, иногда их неуместная или нарочитая актуализация производит впечатление суесловия и суемудрия. Случайно схваченная, извлеченная из памяти пословица может стать покровом бессмыслицы, покрывалом без-мыслия в понимании той или иной жизненной ситуации. Однако, это характеристика не самих идиом, а нерелевантности мыследействующего субъекта. Пословицы, применяемые как клишированные фразы, теряют свой интеллектуальный потенциал и выполняют только пассивную коммуникативную функцию (в этой роли часто выступают сентенции типа *«Все что ни делается, все к лучшему»* и т. д.). Использование в речи пословиц при выхолащивании, инфляции смыслов может вырождаться в языковые автоматизмы. Пословичная мудрость может стать лишь суррогатом, шаблонами мышления.

Психологическая привлекательность пословицы в общении заключается еще и в том, что пословичная мысль снимает защиту Я от мысли как идеи Другого Я: она авторитетна и как бы надситуативна, ибо не принадлежит партнеру. С мнением, вырастающим из пословицы, со смыслом, из нее извлеченным, легче согласиться именно потому, что у пословицы не подразумевается авторства, мысли персонифицированного Другого. Формально говоря, включение пословицы в поток сознания и в поток речи – это цитирование некоего заведомо авторитетного анонимного источника жизненной мудрости. В ней – коллективная апробированная мудрость, экстракт опыта Многих. Подкрепленная (или рационализированная) пословицей мысль оказывается для человека менее обремененной его личной ответственностью за включение в собственную мыследеятельность. И в этом отношении привычные пословицы весьма удобны как защитные формулы механизма рационализации, как освященные авторитетом личностные оправдания социально мало приемлемого поведения.

Личностно-регулятивная функция пословиц

Конечной целью пословиц всегда было воспитание, они с древнейших времен выступали как педагогические средства, и в этом плане несли в себе личностно-регулятивную функцию. С одной стороны, они содержат педагогическую идею, с другой – оказывают воспитательное влияние и реализуют образовательные функции: дают характерологические оценки личности – положительные и отрицательные, которые, определяя так или иначе цели формирования личности, содержат призыв к воспитанию и самовоспитанию.

Дидактичность, нравоучительство пословичных идиом неочевидны. Их суть передается через образ, через некую отправную ситуацию, предлагаемую реципиенту как модель. Как и в отношении сказок, в них и правда, и ложь, в которой *«намек, добрым молодцам урок»*. Однако, пословицы, в отличие от сказок, – не мифология, а жизненная философия реального человека в

конкретном обществе. В любом случае, прямолинейное нравоучительство совершенно чуждо пословичной форме.

На необходимость использования остроумных пословиц в качестве дидактического приема и на юмор как средство психолого-педагогического воздействия указывает М.И. Станкин. В частности, он пишет, что «в арсенале опытного педагога всегда есть шутка, остроумная пословица, поговорка, улыбка» [34, с. 56].

Психотерапевтическая функция пословиц

В психотерапевтическом плане интересен аспект эмоциональной окраски пословичных идиом в измерении «оптимизма – пессимизма» ее идеи. Пословицы и поговорки могут выступать функциональными шутками и микроанекдотами в разновидности «самый краткий анекдот». Писатель Б.Н. Тимофеев подчеркивает: «Вековая мудрость, мораль, жизненный опыт, тонкое наблюдение, насмешка, шутка – все это отражается в пословицах и поговорках» [7, с. 274]. Серьезность смысла многих пословиц нередко оттеняется или даже маскируется юмористичностью, иногда весьма «черной», описываемых ими ситуаций: «Баба с возу – кобыле легче», «Снявши голову, по волосам не плачут» и т. д. Целый ряд пословичных иносказаний и сентенций – образцы народного юмора: «Дареному коню в зубы не смотрят», «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», «Сытое брюхо к учению глухо» и т. д.

Отточенные словесные формулы пословиц можно использовать в текстах аутосуггестии и аутотренингов для выработки соответствующих жизненных установок. В этом ракурсе пословицы выполняют свою терапевтическую функцию в интерперсональном дискурсе, чем косвенно определяется их столь завидное долгожительство, в отличие от других литературных формул.

Существенно, что употребляемые в живой речи пословицы могут быть суровы и печальны, но они не пессимистичны. Их экзистенциальность конструктивна и позитивна, она укореняет человека и в быте, и в бытии. Диахронно выживают пословицы, не несущие фальши и цинизма, демагогии и человеконенавистничества, наивности и пошлости.

Место пословиц в современном дискурсе

В целом, анализируя современный дискурс, можно констатировать снижение в нем доли пословичной фразеологии. За этим стоит космополитизация лексики, американо-европеизация и глобализация мировой культуры, вывод традиционных культур в этно-фольклорное гетто. Вместе с тем В.В. Кочетков подчеркивает, что «особенности русского национального характера проявляются в устойчивых разговорных выражениях современного русского языка, новых пословицах и поговорках: *«Где бы ни работать, лишь бы не работать»* и т. д. [35, с. 121]. В.Д. Цыбин отмечает, что и «ныне народное творчество продолжается: и в анекдоте, и в новой пословице, и в новом слове или частушке» [36, с. 9]. Следует заметить, что частушка, пожалуй, является единственным самобытным неавторским литературным жанром, выросшим из пословиц. В этом понимании частушка – развернутая пословица, хотя, естественно, не за каждой частушкой стоит пословица, и не каждая пословица – потенциальная частушка.

Специфика современного бытования пословиц заключается в том, что ими становятся разные по происхождению строки песен, авторские стихотворения, реплики из кинофильмов, политические лозунги, фразы публичных персон, рекламные слоганы, как например, рекламная квази-пословица эпохи модерна и постмодерна *«Лучше жевать, чем говорить»*. Уровня пословичной формы достигает фраза К.И. Чуковского из стихотворения «Телефон»: *«Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота»*. Пословичную форму обнаруживают

популярные идиомы или их парафразы современных неизвестных или малоизвестных авторов: «*Не болит голова у дятла*», «*Танки грязи не боятся*», «*Матрос ребенка не обидит*», «*Ученье свет, а неученых тьма*», «*Ложка меда в бочке дегтя*», «*Главное, не бежать впереди паровоза*», «*Успел прыгнуть в последний вагон*» и т. д. Пословицами стали современные «крылатые выражения»: «*Не путать кислое с пресным*», «*Поздно пить боржоми*», «*Кто первым встал, того и тапки*» и т. д. Многие пословицы (и их фрагменты) в современном дискурсе становятся мемами, постоянными цитатами (мы говорим, не договаривая – «*Маслом каши...*», «*Что посеешь...*» и т. д.).

Имеет место речевой феномен депословизации идиомы для обозначения потери фразеологическим оборотом в живой речи части лексем и пословичных функций. Из пословицы «*Дареному коню в зубы не смотрят*» в речи остается только «*дареный конь*», вместо «*Пустить козла в огород*» остается просто «*козел в огороде*», вместо «*Паршивая овца все стадо портит*» – «*паршивая овца*» и т. д. При этом пользователями усеченного фразеологизма осознается первоисточник используемого оборота, с учетом того, что «*Не всякая пословица при всяком молвится*».

С точки зрения исторических изменений национальной психологии интересна и такая фольклорно-культурологическая проблема: какие, некогда широко распространенные, пословицы вышли из «живого» употребления, остались только в словарях, о чем в них говорилось; какие ценности они транслировали; в каких социальных группах были особенно популярны. Бесспорно, семантическое вырождение некоторых пословиц в связи с исчезновением породившего их контента. Остаются за скобками вытесненные из дискурса идиомы, содержащие лексику, обозначающую исчезнувшую из повседневного обихода вещь, поскольку давно уже мало кто понимает, например, что такое баклуши, полати или супонь. Многие пословицы, до их попадания в общерусские своды, имели местное, областное хождение (типа «*Буй да Кадуй черт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот стоял*»), поэтому практически ни о чем не говорят широкой аудитории современных пользователей.

Вместе с тем, за отмиранием архаичной словесной формулы архетипические смыслы пословиц, тем не менее, остаются в сознании современного человека. И ныне пословицы не воспринимаются как анахронизм, в отличие от многих произведений и даже жанров традиционной национальной культуры. Они преемственно сохраняются в своих последующих трансформациях, являясь символическим вербальным мостиком, связывающим поколения.

Выводы

1. Пословицы, имея культурно-историческую природу, сохраняются как устойчивые компоненты вербальных структур сознания современного человека. При изменении конкретики в своем наполнении пословицы обеспечивают смылосберегающую роль в сознании и жизнедеятельности человека и в XXI веке.
2. Пословицы остаются носителями здорового консерватизма социальной жизни и поколенческой преемственности. Это формулы поведенческих инвариантов адаптивного общественного поведения.
3. В пословицах воплощаются философия повседневности, квинтэссенция эмпирического опыта существования человека в условиях конкретно-исторической культуры. Многие пословицы, по своему смыслу, это – ситуационные метафоры, а некоторые из них являются символами человеческой жизни, экзистенциальными образцами инвариантов бытия, его дуалистической природы.

4. Пословицы реализуют следующие основные функции в жизни и деятельности современного человека: культурно-познавательную, жизненно-ориентационную, личностно-идентификационную, морально-нравственную, ценностно-смысловую, интеллектуально-творческую, коммуникативно-риторическую, личностно-регулятивную и психотерапевтическую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Проспект, 2019. 224 с.
2. Петрова С.М. Пословицы как средство диагностики нравственной воспитанности учащихся // Психолого-педагогические аспекты духовно-нравственного развития современной молодежи. Псков: Издательство Псковского государственного университета, 2011. С. 225–235.
3. Петрова С.М. Использование пословиц для изучения ценностных отношений школьников // Психология человека в образовании. 2019. Т. 1. № 3. С. 306–314.
4. Петрова С.М. Диагностика полимотивационных тенденций в Я-концепции личности // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института Психотерапии, 2002. С. 86–89.
5. Петрова С.М. Методика «Пословицы» // Педагогический контроль в процессе воспитания / Под ред. Е.Н. Степанова. М.: ТЦ Сфера, 2006. С. 34–38.
6. Петрова С.М. Методика изучения ценностных отношений учащихся на материале русских народных пословиц // Духовно-нравственное воспитание в школе: опыт и перспективы. Сборник статей XX Корнилиевских Православных образовательных чтений / Под ред. М.А. Манойловой. Псков-Печоры: Издательство Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря, 2018. С. 164–180.
7. Тимофеев Б.Н. Правильно ли мы говорим? Заметки писателя. Л.: Лениздат, 1963. 331 с.
8. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. 528 с.
9. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
10. Зейгарник Б.В. К проблеме понимания переносного смысла слов или предложения при патологических изменениях мышления // Новое в учении об апраксии, агнозии и афазии. М., 1934. С. 132–140.
11. Дубровина И.В. Об индивидуальных особенностях школьников. М.: Знание, 1975. 80 с.
12. Климов Е.А. Идеи системного подхода в народном сознании // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. №3. С. 3–12.
13. Соболева О.В. О понимании мини-текста, или пословица век не сломится // Вопросы психологии. 1995. №1. С. 46–52.
14. Пермяков Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968. 376 с.
15. Розанов В.В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 543 с.

16. Федотов Г.П. Судьбы и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): В 2-х т. Т.2. СПб.: София, 1991. 352 с.
17. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. 608 с.
18. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. Императорское общество истории и древностей российских при московском университете. М.: в университетской типографии, 1862. С. 343–368.
19. Солоухин В.А. Камешки на ладони. М.: Современник, 1988. 446 с.
20. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2009. 378 с.
21. Пьецух В.А. Низкий жанр. М.: Зебра Е, 2006. 749 с.
22. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: «Искусство-СПБ», 2001. 438 с.
23. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: «Прайм-Еврознак», 2002. 416 с.
24. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.
25. Гачев Г.Д. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М.: Педагогика, 1991. 272 с.
26. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М.: АГРАФ, 2001. 600 с.
27. Афанасьев А.Н. Народ – художник: Миф. Фольклор. Литература / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.
28. Конецкий В.В. За доброй надеждой: Роман-странствие: Ледовые брызги. Л.: Художественная литература, 1990. 672 с.
29. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. 216 с.
30. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 326 с.
31. Гельвеций К.-А. Счастье. – М.: Советская Россия, 1987. 480 с.
32. Белов В.И. Избранные произведения: В 3-х т. Т.3. Лад: Очерки о народной эстетике; Пьесы. М.: Современник, 1984. 478 с.
33. Суворов А.В. Наука побеждать. М.: Воениздат, 1987. 40 с.
34. Станкин М.И. Юмор как средство психолого-педагогического воздействия: От смешного до серьезного – один шаг: Учебное пособие. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. 256 с.
35. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ, 2001. 416 с.
36. Цыбин В.Д. Удивления: Творческий сад. Этюды. Беглые мемуары. М.: Советский писатель, 1992. 432 с.

Petrova Svetlana Mikhailovna

Pskov state university, Pskov, Russia
E-mail: psm17031963@gmail.com

Psychological functions of proverbs in the life and activity of an personalities

Abstract. Earlier, the author substantiated the diagnostic value of proverbs as stimulus material in psychological techniques aimed at studying the intellectual, motivational, moral, value sphere of a person. This article is considered the concept of proverbs as regulators of the life and activity of a modern person in order to further expand the range of their psychodiagnostic capabilities. If paremiology is a branch of philology devoted to the study and classification of paremias, then we are interested in psychoparemiology, which considers the psychological functions of paremias in the life and activity of an individual, and explores paremias as regulators of consciousness and behavior. We have identified the following psychological functions of proverbs, based on the needs of the individual: cultural-cognitive, life-orientation, personality-identification, moral, value-semantic, intellectual-creative, communicative-rhetorical, psychotherapeutic and personality-regulatory.

Proverbs realize a cultural-cognitive function, being the basic components of the traditional culture of society, the most striking manifestation of the linguistic identity of the people, their contribution to the aggregate knowledge of the person. Proverbs, as a way of formalizing human experience, perform a life-orientating function through worldly psychology and the life wisdom contained in their content. Proverbs teach the right way of life and help in understanding human behavior. Realizing the personality-identification function, proverbs provide a person with an understanding of the traditional Russian picture of the world, contribute to the structuring of a holistic worldview that is characteristic of his people. The thoughts of the people, fixed in proverbs, bear the imprint of national morality, reflect the moral principles of society, which makes it possible to highlight the moral function in them. The author considers the value-semantic function of proverbs. The most important problem of the psychological study of proverbs is their clustering according to basic values. Proverbs are a productive material for intellectual and creative idiomatic transformations, which ensures their further development. In interpersonal communication and speech discourse, the communicative-rhetorical function of proverbs reveals itself. Proverbs perform their therapeutic function as protective formulas of the rationalization mechanism in the interpersonal discourse, as suggestive formulas for developing appropriate attitudes. Proverbs like didactic tools perform a personality-regulatory function, have a pedagogical effect, contain calls for self-education and self-education.

Proverbs correspond to the needs of society and a person in cultural and linguistic identity, in forming a picture of the world, taking into account national specificities and attitudes to correct and moral social life, ensures the preservation of national values and the continuity of generations.

Keywords: everyday consciousness; folk psychology; paremiology; psychoparemiology; psychological functions of proverbs